УДК 342.56

СООТНОШЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ КАТЕГОРИЙ «ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ» И «СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА»

Алисов А.Н.

THE RATIO OF THE CONSTITUTIONAL CATEGORIES "ACCESS TO JUSTICE" AND "JUDICIAL PROTECTION"

Alisov A.N.

Alisov A.N. *– Postgraduate student of the Department of Constitutional and Municipal Law, Moscow State Law University named after Kutafin O.E., Russian Federation, Moscow, e-mail: Alisov.alx@yandex.ru*

The article discusses a number of problematic issues related to the relationship between the concepts "access to justice" and "judicial protection" in modern constitutional law in Russia. Understanding the questions and analyzing the different points of view, the author substantiates the position that the category "judicial protection" – is broader than "access to justice" in theoretical and methodological aspects. Completeness and effectiveness of the judicial protection of human rights are provided not only by availability of justice, but also because of its fairness, publicity, independence, impartiality and competence. However, without access to justice, the right to judicial protection is not possible. Furthermore, in terms of inaccessibility of justice it's not possible to achieve justice, publicity, independence and impartiality of the judicial protection. Therefore, the distinction between the categories of "judicial protection" and "access to justice" is very arbitrary, and it's often hard to see it. They describe the same constitutional principles of unrestricted access to courts, impartial review of legal cases and court decisions, possibility of their appeal, effective recovery in violated rights.

Keywords: judicial protection, access to justice, right to fair trial, independence of the judiciary.

Понятие «доступ» в русском языке означает «проход», «возможность проникновения», «впуск», «разрешение»; термин «доступный» толкуется в контексте таких характеристик субъекта, как «возможность пройти», «возможность пользования», «доступность для понимания», «внимательность и расположение к людям». В юридической теории и законодательной практике выделяются не только доступ к правосудию, но также доступ на территории, в помещения, на земельные участки, к информации, к документам, к СМИ (например, избирательных объединений и политических партий), на рынки (например, российских лиц на внешние рынки), к электрическим, газотранспортным сетям и т.п. Категория «доступность» в юриспруденции применима к таким объектам, как образование, лекарственное обеспечение, информация и данные, культурные ценности и блага, услуги. В связи с этим, во-первых, следует различать конституционно-правовые категории «доступ к правосудию» и «доступность правосудия»; во-вторых, применительно к правосудию как особому виду государственной деятельности необходимо выявление специфических признаков, которые характеризуют «доступ» к правосудию и его «доступность» в отличие от других объектов правового регулирования общественных отношений.

Применительно к судебной деятельности, понятия «доступ» и «доступность», на наш взгляд, соотносятся следующим образом. Категория «доступ» характеризует гарантированную правом возможность лиц, чьи права и законные интересы нарушены, обращаться в судебные инстанции, доказывать свою правовую позицию, опровергать доводы противоположной стороны в юридическом споре, рассчитывать на объективное и беспристрастное судебное разбирательство, обжаловать судебные решения в вышестоящих инстанциях. В свою

очередь, «доступность» правосудия – это его качественная характеристика, которая свидетельствует о достаточной степени открытости, гласности, публичности и транспарентности судебной системы, ее эффективном функционировании, обеспечивающем восстановление в нарушенных правах в разумные сроки, беспристрастный учет всех без исключения доказательств по делу, представленных каждой из сторон, верное толкование применяемых в судебной деятельности правовых норм. Доступ к правосудию не может считаться обеспеченным, если правосудие не является доступным. В то же время категория «доступность» правосудия может толковаться и расширительно в аспекте доброжелательного, внимательного, объективного и беспристрастного отношения к участникам процесса не только со стороны судей, но и работников аппаратов судов, включая помощников судей, секретарей судебных заседаний, судебных приставов и т.д.

Важно подчеркнуть, что доступность правосудия должна быть обеспечена в равной мере всем участникам судебного процесса. Ограничительное понимание доступа к правосудию, связанное с гарантиями лишь инициаторам судебного разбирательства (в уголовном процессе – стороне обвинения, в гражданском процессе – истцам и т.д.) находится в прямом противоречии с нормативным содержанием ст. 19 Конституции РФ. В уголовном процессе право на доступ к правосудию в равной степени имеют стороны обвинения и защиты, в гражданском процессе – истцы и ответчики, а также иные участники судебного разбирательства, включая третьих лиц, заявляющих или не заявляющих самостоятельные требования. Основной критерий доступа к правосудию состоит в юридическом факте наличия предполагаемых нарушений чьих-либо прав и законных интересов. Если эти права и законные интересы нарушены, лицо имеет право на судебную защиту. Если же в суд обращается ненадлежащий заявитель, права и законные интересы соответствующего лица не связаны с предметом судебного разбирательства, доступ к правосудию невозможен. В отличие от законодательных и исполнительных органов власти, суды не должны рассматривать абстрактные жалобы, заявления и предложения граждан, поскольку суды связаны формализованной процедурой, установленной процессуальным законодательством. Абстрактные обращения могут лишь приниматься во внимание должностными лицами судов, органами судейского сообщества в целях совершенствования судоустройства, статуса судей, конституционного механизма судебной защиты прав и свобод человека и гражданина[1].

В связи с этим представляется важным разграничение категорий «доступ к правосудию» и «судебная защита». В Конституции РФ категория «доступ» используется трижды: в ч. 4 ст. 32 – в качестве характеристики права граждан на равный доступ к государственной службе; в ч. 2 ст. 44 – для установления права на доступ к культурным ценностям; в ст. 52 – в целях закрепления права потерпевших на доступ к правосудию. Термин «доступность» в соответствующих падежах применяется Конституцией РФ дважды: в ч. 3 ст. 40 – в целях регулирования права нуждающихся в жилище на предоставление жилых помещений из жилищных фондов бесплатно либо за «доступную» плату; в ч. 2 ст. 43 – для установления принципа «общедоступности» образования.

Примечательно, что Конституция РФ в прямой постановке не гарантирует право на доступ к правосудию малообеспеченных, военнослужащих, иностранцев, осужденных, несовершеннолетних, имеющих заболевание, недееспособных или ограниченно дееспособных лиц. В качестве специального субъекта, пользующегося конституционным правом на доступ к правосудию, указан лишь потерпевший. Возможность доступа к правосудию следует из нормативного содержания ст. 46 Конституции РФ, которая гарантирует судебную защиту прав и свобод каждого лица, если речь идет о правах и свободах именно этого лица. Судебная защита позиционируется в Конституции РФ в качестве одной из форм государственной защиты прав и свобод, закрепленной в ч. 1 ст. 45 Конституции РФ. Качество доступности правосудия приобретает конституционное значение благодаря нормам ч. 1 ст. 118 (осуществление правосудия только судом), ч. 3 ст. 118 (запрет чрезвычайных

[1] Исключение составляют случаи абстрактного нормоконтроля, осуществляемого Конституционным судом РФ по запросам Президента РФ, палат Федерального Собрания, Правительства РФ и иных государственных органов, не связанных с применением обжалуемой законодательной нормы в конкретном деле заявителя – см.: Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. с послед. изм. // СЗ РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447; 2014. – № 23. – Ст. 2922.

судов и исключительно законодательный порядок установления судебной системы), ч. 1 ст. 120 (независимость судей), ч. 2 ст. 120 (верховенство закона в судебной деятельности), ст. 121 (несменяемость судей), ст. 122 (неприкосновенность судей), ч. 1 ст. 123 (открытое судебное разбирательство), ч. 3 ст. 123 (состязательность и равноправие сторон), ст. 124 Конституции РФ (федеральное финансирование судов, необходимость обеспечения полного и независимого отправления правосудия), однако в прямой постановке Конституция РФ не гарантирует «доступности» правосудия. Поэтому не случайно в конституционно-правовой науке вопрос о соотношении «судебной защиты» и «доступа к правосудию» относится к числу дискуссионных.

В юридической науке можно выделить несколько подходов к анализу соотношения понятий «доступ к правосудию» и «судебная защита». Первый из них состоит в отождествлении данных понятий, что опирается на следующие аргументы: судебная защита невозможна в условиях ее недоступности, право на судебную защиту идентично праву на доступ к правосудию; праву на судебную защиту корреспондирует конституционно-правовая обязанность законодателя и правоприменительных органов обеспечить доступность правосудия. Если в Конституции РФ упоминается право потерпевших на доступ к правосудию, в силу конституционного принципа равноправия (ст. 19, ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) это право должно быть распространено и на других лиц, участвующих в судебном разбирательстве[2].

Второй подход к анализу соотношения исследуемых понятий позиционирует доступ к правосудию в качестве некоего квалифицирующего признака судебной защиты, свидетельствующего об эффективности, качестве, полноте, всеобщности, публичности, транспаретности правосудия, судебном разбирательстве в разумный срок и т.д. По мнению ряда авторов, судебная защита сама по себе может функционировать в условиях недоступного правосудия (или доступного правосудия, но с «недостаточной степенью» доступности). Мотивируется это тем, что в ст. 46 Конституции РФ не указаны какие-либо квалифицирующие признаки судебной защиты, речь идет только о «гарантиях каждому судебной защиты его прав и свобод». Так, если закон запрещает какому-либо лицу при определенных обстоятельствах обратиться в суд в целях защиты нарушенных прав и законных интересов, правосудие не является доступным, однако механизм судебной защиты все же существует. Он лишь не характеризуется свойствами полноты, всеобщности и равенства[3].

Примечательно, что большинство авторов, комментирующих положения ст. 46 Конституции РФ, интерпретируют их не просто в контексте существования судебной защиты. Чаще всего к этому дополняются различные квалифицирующие признаки, что свидетельствует о близости понятий «судебная защита» и «доступ к правосудию». По мнению Г.Д.Садовниковой, «установленное Конституцией место судебной власти, обеспечивающее ее самостоятельность и независимость, конституционные требования к судьям, демократические принципы судопроизводства, возможность получения квалифицированной юридической помощи» делают суд доступным «органом правовой защиты личности»[4]. С точки зрения Г.А.Жилина, правосудие по своей природе означает «эффективное восстановление в правах и должно отвечать требованиям справедливости. Это предполагает, в частности,

[2] См.: Иванов В.В. Проблемы реализации и процессуальные гарантии конституционного права потерпевшего на доступ к правосудию и судебную защиту. Дис… канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 11. Буланова Н.В. Обеспечение в уголовном судопроизводстве конституционного права на судебную защиту и доступ к правосудию средствами прокурорского надзора // Современные тенденции в развитии правового статуса и основных направлений правозащитной деятельности Прокуратуры РФ. – М.: Академия Генпрокуратуры РФ, 2010. – С. 109; Бурков А. Проблемы эффективности судебной защиты и доступа к правосудию // Адвокат. – 2003. – № 2. – С. 5.

[3] См., например: Петрушин А.И. К вопросу о соотношении понятий «доступ к правосудию» и «судебная защита» // Правовое образование. Гражданское общество. Справедливое государство. – Кемерово, 2011. – С. 408; Борисова В.Ф. Доступ к правосудию и доступность судебной защиты: соотношение понятий // Осуществление гражданского судопроизводства судами общей юрисдикции и арбитражными (хозяйственными) судами в России и других странах СНГ. – М.: Проспект, 2014. С. 138.

[4] См.: Садовникова Г.Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации. – М.: Юрайт, – 2009. – С. 86.

доступность судебной защиты»[5]. Х.Б.Шейнин считает, что гарантия судебной защиты означает, с одной стороны, право каждого подать жалобу в соответствующий суд и, с другой – обязанность последнего рассмотреть эту жалобу и принять по ней законное, справедливое и обоснованное решение[6], что свидетельствует о доступности правосудия.

Точки зрения указанных авторов объединяет толкование института судебной защиты в контексте общепризнанной «природы правосудия», которое в силу его конституционного предназначения должно быть в числе прочего доступным. При этом, как справедливо подчеркивает В.Ф. Яковлев, состояние и эффективность правосудия зависят не только от него самого, но и от всей «правовой инфраструктуры – качества законодательства, деятельности органов исполнительной власти, исполнения судебных приговоров и решений»[7]. Очевидно, что при низком качестве законодательства, недостаточной эффективности деятельности исполнительных органов, неисполнении судебных актов и других аналогичных обстоятельствах правосудие не может считаться доступным, а доступ к правосудию – обеспеченным. Однако те же суждения применимы и к конституционному механизму судебной защиты прав и свобод человека и гражданина, поскольку он находится в такой же зависимости от «правовой инфраструктуры», как и доступ к правосудию.

В научной юридической литературе доступ к правосудию нередко связывается с нормативными положениями ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Однако внимательный анализ этих международных документов показывает, что они не столь однозначно закрепляют и гарантируют доступ к правосудию, как это может показаться на первый взгляд.

Статья 8 Всеобщей декларации прав человека в официальном русскоязычном переводе гарантирует «право на эффективное восстановление в правах» компетентными судебными инстанциями в случае нарушений основных прав, гарантированных конституцией и законами. Вместе с тем обращение к англоязычному оригиналу Всеобщей декларации прав человека показывает, что в первоисточнике не употребляется термин «восстановление в правах». Англоязычный текст устанавливает право на «effective remedy». Слово «remedy» переводится как «средство», даже «лекарство», в юридическом контексте – как «средство судебной защиты». В буквальном переводе на русский язык ст. 8 Всеобщей декларации прав человека устанавливает право на «эффективные средства судебной защиты», ни о каком «восстановлении в правах» в оригинальном тексте речи не идет. При этом важно подчеркнуть, что буквально ст. 8 Декларации не закрепляет и принцип доступности правосудия или право на доступ к правосудию. В этой статье содержится указание лишь на один из важнейших компонентов доступа к правосудию – эффективность средств судебной защиты, их действенность, результативность[8]. Если нарушено какое-либо из основных (в оригинале – «fundamental», т.е. основных, фундаментальных) прав, гарантированных конституцией или законом, каждое лицо вправе рассчитывать на то, что суды эффективно защитят его права. В российской юриспруденции это нередко связывается с «восстановлением в правах», однако «право на эффективную судебную защиту» и «право на эффективное восстановление в правах», на наш взгляд, не тождественные юридические категории. Многие авторы склоняются к точке зрения, что право на судебную защиту предполагает эффективное восстановление в правах.

[5] См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. – М.: Эксмо, 2010. – С. 146.

[6] См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. Л.В.Лазарева. – М.: Новая правовая культура, 2009. – С. 189.

[7] См.: Яковлев В.Ф. Конституция Российской Федерации и судебная система современной России // Конституция Российской Федерации: Текст. Комментарии. – М.: Статут, 2013. – С. 124.

[8] Оригинальный англоязычный текст: «Everyone has the right to an effective remedy by the competent national tribunals for acts violating the fundamental rights granted him by the constitution or by law». Официальный перевод на русский язык: «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом».

Однако нельзя утверждать, что право на эффективное восстановление в правах непосредственно указано в ст. 8 Всеобщей декларации прав человека[9].

Статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод также в прямой формулировке не закрепляет доступ к правосудию. Речь в данной статье идет о праве на справедливое и публичное разбирательство дел в судах с соблюдением разумных сроков, причем суд должен быть независимым, беспристрастным и созданным на основании закона. Примечательно, что в названии ст. 6 Конвенции позиционируется право на справедливое судебное разбирательство, в то время как содержательно ст. 6 разграничивает, с одной стороны, право на справедливое и публичное слушание дела, с другой – на публичное провозглашение судебного решения. Тем самым охватываются важнейшие формы обеспечения доступа к правосудию: во-первых, само существование судебной системы, созданной в соответствии с законом; во-вторых, беспристрастность и независимость судей; в-третьих, справедливость и публичность рассмотрения юридических дел в судах; в-четвертых, публичность провозглашения судебных решений. По сравнению со ст. 8 Всеобщей декларации прав человека данная статья значительно полнее характеризует механизм судебной защиты основных прав и свобод, гарантированных конституцией и законом. Вместе с тем в этой статье не гарантируется беспрепятственность обращения в судебные инстанции, исполнимость решений судов, право на их обжалование, на эффективное восстановление в правах. Эти условия реализации доступности правосудия, по всей видимости, предполагаются, но специально не оговариваются[10].

Статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, по существу, содержит положения, в основном тождественные ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Здесь также позиционируется право на справедливое и публичное разбирательство дел в судах, причем суд должен быть независимым, беспристрастным и созданным на основании закона. Отличие состоит в том, что, во-первых, в Пакте не оговаривается необходимость разбирательства в разумный срок; во-вторых, Пакт дополняет механизм судебной защиты прав требованием компетентности суда и принципом равенства всех перед судами. В прямой формулировке доступность правосудия и доступ к правосудию здесь также не закрепляются[11].

Таким образом, в буквальном смысле ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах не гарантируют доступ к правосудию. Широкому использованию именно этой категории (доступ к правосудию) правовое сообщество обязано в основном практике Европейского суда по правам человека, который органически увязал право на справедливое судебное разбирательство с доступом к правосудию, утверждая, что в отсутствие подобного доступа право на справедливое судебное разбирательство лишено смысла.

При таком подходе доступ к правосудию позиционируется в качестве одного из необходимых условий реализации права на справедливое судебное разбирательство, однако доступ к правосудию будет толковаться ограничительно: доступность правосудия сама по себе не гарантирует справедливости судебного разбирательства. Правосудие не является доступным, если отсутствуют суды, если их сеть недостаточно охватывает внутренние территориальные единицы государства, если суды перегружены, если прием обращений граждан в судах затруднителен, если чинятся препятствия для обращения в судебные инстанции по ненадлежащим основаниям, если дела затягиваются в рассмотрении и т.п. Однако можно ли считать обязательным условием доступа к правосудию беспристрастное рассмотрение дел в судах, справедливое решение и т.п.?

С точки зрения доступа к правосудию в юридическом процессе основополагающее значение имеет не справедливость,

[9] См.: Всеобщая декларация прав человека. Принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1998. 10 дек.

[10] См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

[11] См.: Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.) // ВВС СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

беспристрастность или независимость судей как таковые, а степень вовлеченности каждого из участников процесса в судебные процедуры (что, однако, влияет в конечном итоге и на справедливость разбирательства и обоснованность судебного решения). Так, если судья по ненадлежащим основаниям игнорирует правовую позицию какой-либо из сторон в юридическом споре, он тем самым нарушает право этого лица на доступ к правосудию, т.е. право быть выслушанным, заявлять ходатайства, предъявлять доказательства, опровергать доводы противоположной стороны, выражать свою позицию и т.д.

Но в конечном итоге суд выносит решение на основе оценки совокупности всех доказательств по делу, применяя действующие правовые нормы, руководствуясь внутренним правосознанием и совестью. На завершающих этапах судебной процедуры (после исследования фактических обстоятельств дела, выслушивания мнения сторон в прениях) и до возникновения права сторон на обжалование судебного решения право на доступ к правосудию как бы «уступает место» праву на справедливое судебное разбирательство. Во всяком случае, право на доступ к правосудию не реализуется в совещательной комнате судей, где обсуждается итоговое решение, но право на доступ к правосудию возобновляет свое действие уже в момент принятия решения в совещательной комнате, тем более – оглашения решения суда (поскольку лица, участвующие в деле, имеют право присутствия при оглашении судебного решения, что является одним из компонентов их доступа к правосудию). Это дает основания полагать, что в теоретико-методологическом аспекте категория «судебная защита» – более широкая, чем «доступ к правосудию». Полнота и эффективность судебной защиты прав человека обеспечиваются не только благодаря доступности правосудия, но также вследствие его справедливости, публичности, независимости, беспристрастности и компетентности.

Однако без доступа к правосудию право на судебную защиту невозможно. Кроме того, в условиях недоступности правосудия невозможно обеспечить и справедливость, и публичность, и независимость, и беспристрастность судебной защиты. Поэтому различие между категориями «судебная защита» и «доступ к правосудию» весьма условно, зачастую – трудно различимо. По существу, они характеризуют одни и те же конституционные принципы беспрепятственности обращения в судебные инстанции, беспристрастности рассмотрения юридических дел, справедливости судебных решений, возможности их обжалования, эффективного восстановления в нарушенных правах.

Библиография/References

Борисова В.Ф. Доступ к правосудию и доступность судебной защиты: соотношение понятий // Осуществление гражданского судопроизводства судами общей юрисдикции и арбитражными (хозяйственными) судами в России и других странах СНГ. – М.: Проспект, 2014.

Додонова А.Д., Щеголева Н.А. Проблемы и основные тенденции развития конституционно-правового обеспечения прав, свобод и законных интересов детей в современной России//Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 1. – С. 103–106.

Петрушин А.И. К вопросу о соотношении понятий «доступ к правосудию» и «судебная защита» // Правовое образование. Гражданское общество. Справедливое государство. – Кемерово, 2011.

Садовникова Г.Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации. – М.: Юрайт, 2009.

Borisova, V.F. (2014) Dostup k pravosudiju i dostupnost' sudebnoj zashhity: sootnoshenie ponjatij // Osushhestvlenie grazhdanskogo sudoproizvodstva sudami obshhej jurisdikcii i arbitrazhnymi (hozjajstvennymi) sudami v Rossii i drugih stranah SNG. – M.: Prospekt. (In Russ.)

Dodonova, A.D., Shhegoleva N.A. (2014) Problemy i osnovnye tendencii razvitija konstitucionno-pravovogo obespechenija prav, svobod i zakonnyh interesov detej v sovremennoj Rossii//Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk. V№ 1. p. 103–106. (In Russ.)

Petrushin, A.I. (2011)K voprosu o sootnoshenii ponjatij «dostup k pravosudiju» i «sudebnaja zashhita» // Pravovoe obrazovanie. Grazhdanskoe obshhestvo. Spravedlivoe gosudarstvo. – Kemerovo. (In Russ.)

Sadovnikova, G.D. (2009)Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii. – M.: Jurajt/ (In Russ.)